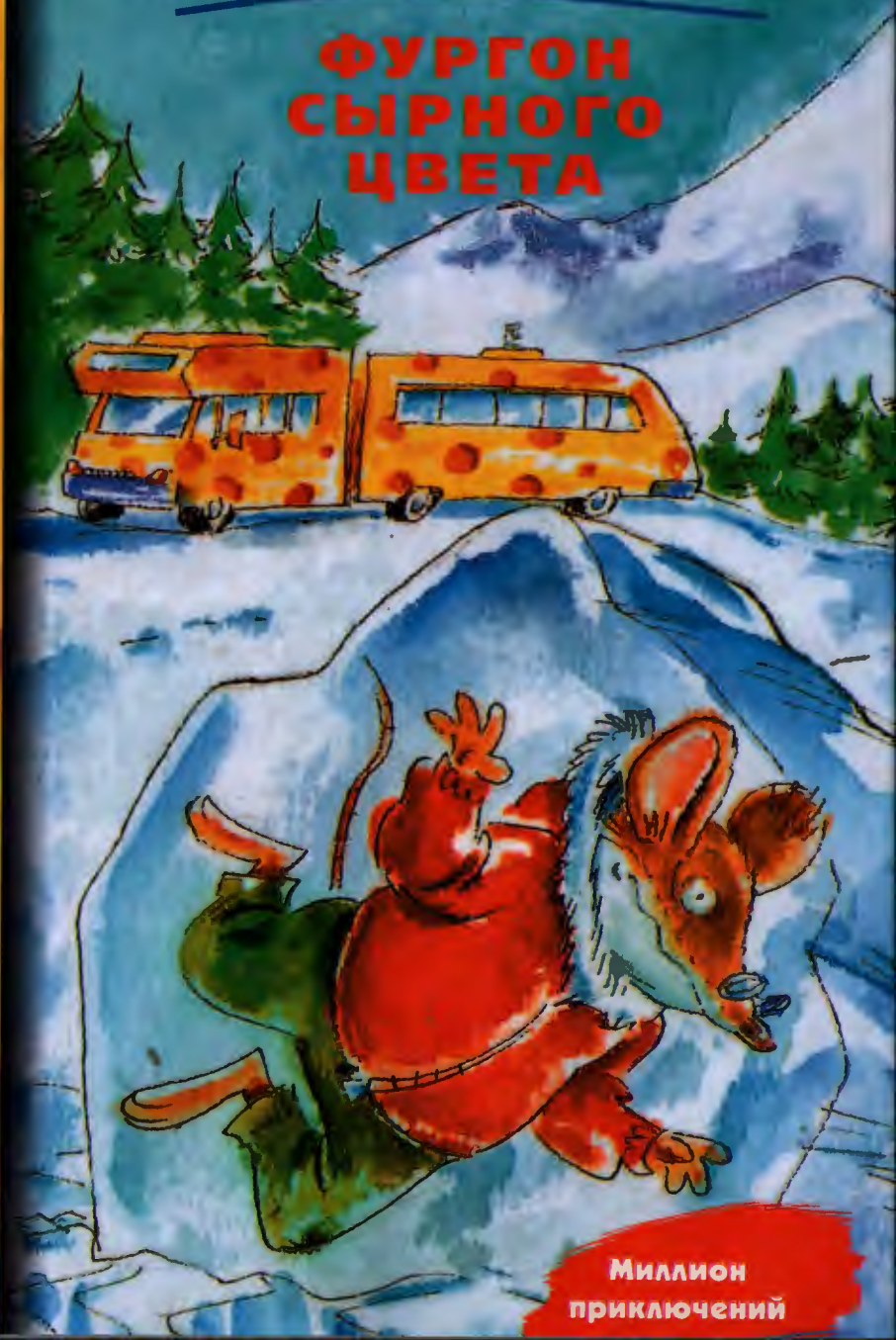

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Джеронимо Стилтон

ФУРГОН СЫРНОГО ЦВЕТА

Миллион
приключений

Дорогие друзья грызуны!
Добро пожаловать в мир

Джеронимо Стилтона!

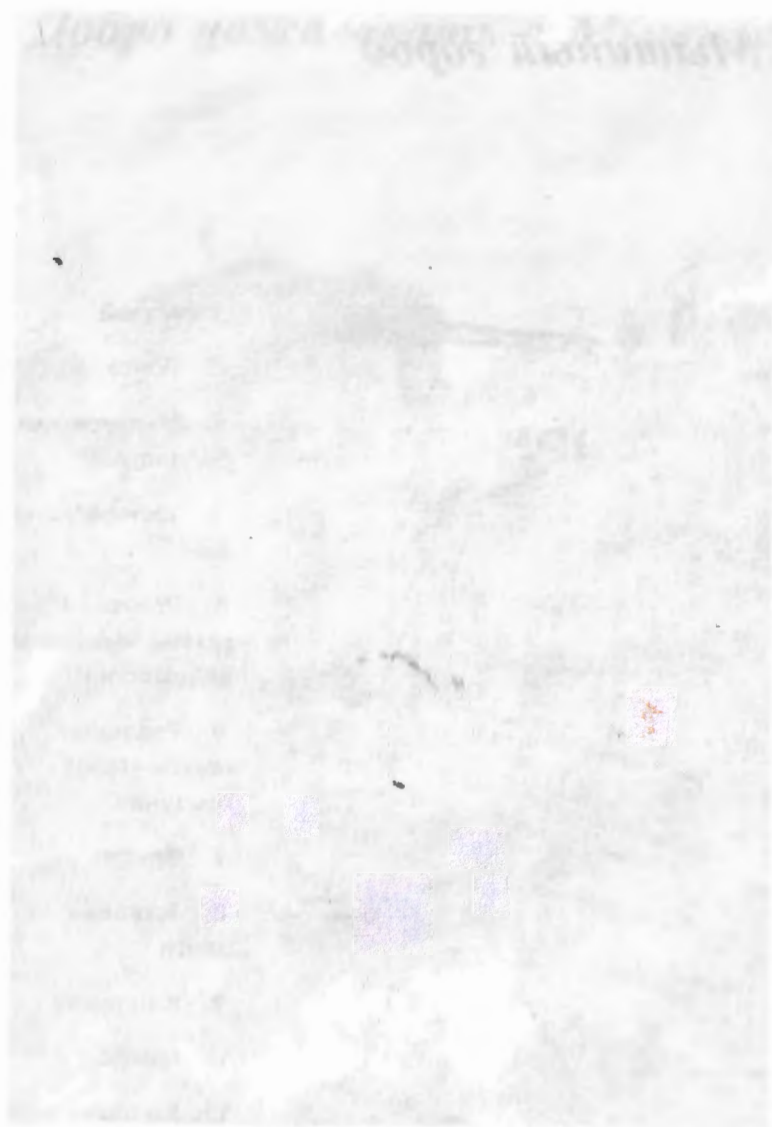
Добро пожаловать в Мышкву...

Мышиный город

1. Музей
2. Почта
3. Мышковская библиотека
4. Тренажёрный зал
5. Редакция газеты «Крысиные ведомости»
6. Редакция газеты «Голос грызуна»
7. Вокзал
8. Торговый центр
9. Кинотеатр
10. Метро
11. Ресторан
12. Морской порт
13. Стройка

Джеронимо Стилтон

**ФУРГОН
СЫРНОГО ЦВЕТА**

Стилтон, Дж. Фургон сырного цвета /
Пер. с мышковского И. Заславской.
— М: Эгмонт Россия Лтд., 2003. — 124 с.

Текст Джеронимо Стилтона
Художник Лари Кис
Графика Бисквиты Рыжмыш

Джеронимо Стилтон — логотип, известный всему миру.
© Geronimo Stilton
Иллюстрации © EDIZIONI PIEMME Spa, 2000
© Перевод на русский язык ЗАО «Эгмонт Россия Лтд», 2003

Перевод Ирины Заславской
Редактор Михаил Морозов
Для среднего школьного возраста

ЗАО «Эгмонт Россия Лтд.»

121099 Москва, 1-й Смоленский пер., 9.

Гигиенический сертификат № 77.99.02. 953.П.000235.03.02

от 19.02.2003 Подписано в печать 08.10.2003.

Формат 60х90/16. Объем 9,0 п.л.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ 0313200.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 97

ISBN 5-9539-0130-5

ДОКТОР СТИЛТОН, ЕСТЬ РАЗГОВОР!

Утром пришёл я в редакцию в отличном настроении...

— Он! — Шляпа, описав дугу в воздухе, повисла на крючке.

— Оле! — Одним махом освободился я от пальто.

— Опля! — В руках у меня очутилась чашка кофе.

— Доктор Стилтон, есть разговор! — попыталась остановить меня секретарша.

Но я уже положил лапу на ручку и распахнул дверь... За моим столом сидел кто-то другой!

ТОРКВАТО ТОЛКАССО

Забаррикадировался за (моим)
столом, как за крепостной стеной,
ВТИСНУЛСЯ в (моё) кресло,
будто его привинтили к
подлокотникам, ухватился
одной лапой за мышь
(моего) компьютера,
другой за (мой)
ежедневник...

Не то чтобы
толст, скорее
плотен; шкура
отливает серебром,
на кончике носа,
под кустистыми
бровями

поблёскивают очки в стальной оправе.

Мой дед!

Мой дед Торквато Толкассо по прозвищу
Тигр в СВОЁ время основал МОЁ издательство!

— Гм, дедушка, — насупился я. — Как
поживаешь?

ЧТО МНЕ СДЕЛАЕТСЯ?

— А что мне делается? — отрывисто бросил он. — Работа, много дел...

Затем схватил телефонную трубку и гаркнул, вероятно оглушив своего собеседника:

— Да, сынок, *три!* Три, я сказал! Три, три-и-и! Три! *Тр-р-и!* Отпечатаешь мне **3** миллиона путеводителей по Мышарктике, и поживей! Три, тебе говорят! Три, три! *Три-иииииии!*

Т — Тебе говорят!

Р — Работай на совесть, не отлынивай!

И — Исполни без промедления!

Торквато Толкассо по прозвищу Тигр

— Сынок, прочисти уши, — завопил он в трубку. — Ты что, их *сыром заткнул?*

Трубка что-то пропищала в ответ, и дед, проорав: *«Да ни за что на свете!»* — свирепо грохнул трубку на рычаг.

Я сглотнул ком в горле и жалобно спросил:

— Дедушка, ты чем тут занимаешься? Извини за любопытство, но зачем тебе три миллиона путеводителей по Мышарктике?

Не удостоив меня ответом, он зашуршал бумагами на (моём) столе и что-то нацарапал (моей) ручкой в (моём) ежедневнике.

— *Всё не так!* — фыркнул он. — *Всё переделать!*

В этот момент в кабинет вошла (моя) секретарша с контрактом на подпись (мне).

Дед разинул пасть, так что за клыками открылась вся его лужёная глотка, и гаркнул:

— *Всё не так, всё переделать!*

Он разорвал контракт в мелкие клочки, а из клочков скатал шарик. Затем по-кошачьи ловко вспрыгнул

на письменный стол и карманной клюшкой для гольфа отправил шарик прямо в корзину для бумаг.

— Каково, а? — хохотнул он, подмигивая мне.

Мы с (моей) секретаршей лишились дара речи.

— Кризис, полнейший крах издательского дела! — бушевал дед.

— Но издательство процветает, — слабо запротестовал я. — Никакого кризиса!

Он сдвинул свои мохнатые брови.

— Ха-ха-ха! Не надо *мне* объяснять, внучек, есть кризис или нет. Уж я-то знаю!

Ведь этот издательский дом основал *я*!

— Но, дедушка, наши дела идут отлично, поверь! — воскликнул я в отчаянии.

Дед задрал кверху кончик хвоста и начал раскачивать им справа налево и обратно.

— Ха-ха-ха! Видишь мой

хвост, внучек? Нет, нет и нет! Нет, нет и ещё раз нет! Я никому не верю! Никому и ничему! Я основал это издательство, это *моё* издательство (моё, а не твоё)! — И Торквато Толкассо по прозвищу Тигр торжественно взмахнул правой лапой.

— Позволь, дедуля, — попытался я его образумить, — уже двадцать лет, как ты передал бразды правления мне!

Ха-
ха-
ха...

Дед схватил (мой) ежедневник и начал деловито листать его.

— Довольно, внучок! У меня много дел.
Смотри, сколько встреч намечено!
— Постой, дедушка, это же *мои* встречи!
И тут раздался телефонный звонок.

Как коршуны мы ринулись к аппарату,
но дед оказался проворнее.

— Кого? Джеронимо Стилтона? Внучка
моего? Можете мне сказать, я его дед,
и с нынешнего дня я сам буду заниматься
этим — как уж его там... да, —
издательством!

Я затрясся от ярости.

— Дед! Я больше тебе не внук!

Он смерил меня сочувственным взглядом.

— Как так?! Деда сменил? Бедняга
Джеронимо, что поделаешь, на внуках
природа отдыхает! Увы, гениальность не
всегда передаётся по наследству!

А МОЖЕТ, ТЫ ВОВСЕ НЕ МОЙ ВНУК?

— Вначале ты говорил о путеводителях, —
проямлил я. — Или я чего-нибудь не
понял?

Дед сочувственно покачал головой.

— Не понял? Что ж, ничего
удивительного...

— Да, не понял, — сухо уточнил я. —
Я не понял, кому нужны путеводители
по Мышарктике? Ты в самом деле
собрался напечатать *три* миллиона
экземпляров?

3

Он опять покачал головой.

— Очень жаль, что ты так и не понял.
Слушай, а может, ты вообще и не мой внук
(ну ничего в тебе моего нет, совершенно
ничего!)? Впрочем, вряд ли всем дано иметь

мозги, как у вашего покорного слуги, — с пафосом продекламировал он и помахал у меня перед носом географической картой. — Проснись, *внучек*, взрости пора!

— Что это? — не понял я.

Он хмыкнул и снова помахал листком у меня перед глазами. Я успел разглядеть: это была карта Мышарктики.

— Думай, внучек, думай! — Дед хитро подмигнул мне и добавил: — Я со свойственной мне гениальностью подметил, что путеводителей по Мышарктике не существует в природе. Ах, **Мышарктика!** Её никто не знает, туризм там практически отсутствует! Представь себе, сколько путеводителей мы сумеем продать! — И тут он сорвался на такой визг, что я аж подпрыгнул: — Три миллиона экземпляров! Ещё допечатывать придётся!

— В Мышарктику никто не ездит, —
ответил я, подпустив яду в голос, —
потому что температура там сорок
градусов ниже нуля, и путеводители
по ней не нужны даже пингвинам —
им и на Южном полюсе неплохо...

МОЦЦАРЕЛЛОЧКА МОЯ!

В этот момент дверь кабинета
распахнулась, и вошла моя сестра Тея
Стилтон, спецкор нашей газеты. Знаете её?
Нет?! Считайте, что вам повезло!

Я бы вам её описал, да боюсь, не хватит
слов, поэтому давайте описания опустим.

Увидев деда, Тея пропищала:

— Дедушка! Дедулечка!

У того от радости даже слёзы на глазах
выступили.

— Тея! Внуенька! Моццареллочка моя!
Кровиночка моя! Мученька моя
мученическая! Сырость моя сырническая!
Единственная отрада жизни моей — не то
что другие внуки!

Тея *разулыбалась,*
навстречу *раскатилась,*
деду. *разлетелась*

Дед с гордостью указал на неё мне.

— Видишь свою
сестру, Джеронимо?
Видишь? Видишь
гордость нашего
зубастого рода? Уж
она-то не посрамит
нас, грызунов, не то
что другие внуки!
Где ж ты пропадала,
звёздочка моя? Ну,
расскажи своему
дедуле, где тебя
черти носили?

Тея приосанилась,
распушила хвост.

— Отдыхала на
море, на Южных островах. Купальники
в этом сезоне носят самые что ни на есть

яркие. Оранжевые, красные, изумрудно-зелёные...

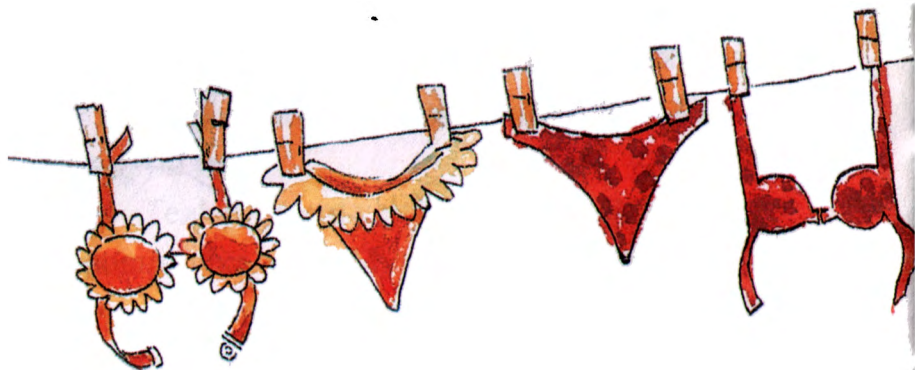
Дед опять прослезился.

— Умница ты моя, не то что другие внуки!

Тут и я решился вставить слово:

— Гм, я бы тоже не прочь отдохнуть на Южных островах...

Дедуля строго глянул на меня и предостерегающе покачал хвостом — слева направо, а потом справа налево.

— Нет, нет и нет! Ни в коем случае! Тея тонко чувствует стиль, у неё нюх на современные тенденции, а тебе, замышелому ретрограду, на Южных островах делать нечего, уж извини, внучок!

Дед даже головой затряс.

— Бедненькая моя Тея, несчастненькая моя! День и ночь на ногах — всё ради редакции — путешествует,

летает, плавает, и всюду первым классом — не в общем же вагоне трястись моей внученьке!

— Ах, Тея, дорогая, ты слава нашей семьи,
не то что другие внуки!

А ВОТ И ПИНА!

И тут вновь заверещал телефон.

Я нажал кнопку микрофона, и тут же мне в барабанные перепонки ударил пронзительный голосок:

— **Аллоооо! Аллоoooooooooooooooo!**

Такой визг ни с чьим не спутаешь!

Это Пина Мышацкая, дедова экономка.

— *Господин Джеронимо, будьте любезны, узнайте у его превосходительства Торквато, что ему будет угодно сгрызть на ужин!!!*

— Что бы такое мне сгрызть? — буркнул дед. — Приготовь мне, пожалуй, фондю из фонтины.

— Фу-фу-фу! — сердито зафырчал телефон. — Фондю вам вредно, *господин* Торквато! Вы же на диете! А кстати, вы сегодня свитер надели?

— Я занят, я работаю! — рассердился дед. — Не приставай с глупостями!

— Да мне-то что? — огрызнулась экономка. — Не хотите — не надевайте.

Но если простудитесь...

заболеете...

и, не дай Бог, **умрёте...**

я вас лечить не буду! Вы ведь уже не дитя, прости Господи! Кстати, я вам вещи в дорогу собираю, чемоданов уложила штук пятьдесят, а письменный стол в чемодан не влезал, так я его на кусочки разгрызла.

— Что-о?! — взревел дед, схватив трубку. — Мой письменный стол разгрызла? Старинный? Восемнадцатого века? В стиле рококо с отделкой из резной слоновой кости?

— Да-а-ааааа! —

гордо подтвердила Пина. — А ещё уложила ваше любимое кресло — кусочек сюда, кусочек туда! У меня всё готово, через минуту буду у вас!

В голове у меня раздался сигнал тревоги. Дед уезжает? Куда? Зачем?!

Дед повесил трубку и обернулся ко мне.

— Ну, Джеронимо, давай и ты укладывайся. А то вечно всё делаешь в последнюю минуту.

— Мне-то зачем укладываться? — процедил я сквозь зубы. — Я никуда не собираюсь!

— Как? — опешил дед. — Разве мы тебе не говорили?

Тея тоже повернула ко мне свою взбалмошную головку.

— Неужели мы тебе не говорили?

В кабинет с огромным рюкзаком за спиной ввалился мой двоюродный брат Смышль и подхватил:

— Неужто не говорили?

А в довершение сцены вкатилась Пина с гигантским сундуком на колёсиках.

— Вы что, до сих пор ему не сообщили?

Я с досады закусил кончик хвоста.

— Чего не говорили? Что вы должны были мне сообщить?

В распахнутую дверь вбежал мой любимый племянник Вениамин, подлетел ко мне и крепко обнял.

— Дядя! Дядя Джеронимо! Я так рад!

Говорят, ты едешь с нами в

Мышарктику!

*В распахнутую дверь
вбежал мой любимый племянник...*

ПОЧЕМУ МЕНЯ НЕ ИЗВЕСТИЛИ?

Я разинул рот.

— Что, что, что?

В Мышарктику? Почему мне не сказали?

Воцарилась гробовая тишина.

Я почувствовал, что моим родственничкам стало стыдно.

Тея проворно вытащила карамельку с пармезаном и сунула мне в рот, видимо, надеясь его заткнуть.

— Пососём карамельку, подсластим пилюльку, — затараторила она, — а то у тебя усы встали торчком!

— Не надо мне карамелек, я хочу быть в курсе событий! — промышчал я с набитым ртом.

— **ХЕ-ХЕ-ХЕ!** — ухмыльнулся Смышль и поглядел на часы.

— У тебя семнадцать с половиной минут на всё про всё. Уложить чемоданы, поставить дом на охрану, выключить газ, разморозить холодильник — и вперёд за нами!

Он легонько двинул меня по спине, и я подавился карамелькой.

— Кхе, кхе, кхе! — закашлялся я и выпучил глаза.

— До чего ж ты *мнительный*, внучек! — отрезал дед. — Тебя уже ввели в курс дела, так что не теряй времени, время — деньги! Давай, пакуй чемоданы.

ПОЧЕМУ МЕНЯ

НЕ ИЗВЕСТИЛИ?

— Какие чемоданы? Какие? Где ты видишь чемоданы? — Я аж затрясся от гнева.

— Ладно, поедешь без чемоданов! — великодушно разрешил дед и повернулся к остальным. — Живей, внучата, вызывайте такси!

Я затопал ногами и закричал:

— Отказываюсь ехать!

От-ка-зы-ва-юсь!

Дед задумался на минуту, а потом театральным жестом указал всем на дверь.

— Все вон! Оставьте меня наедине с *ним*, с моим внуком!

Когда все вышли, он взял меня под лапу, как будто не умел ходить без подпорки, и, хромая (с каких это пор он стал хромать?!), едва слышно пискнул:

— Внучек, ничего, если я сяду? Я уж не тот что прежде, годы берут своё. Хорошо вам, молодым!

— Хм, конечно, дедушка, садись. Ты что, неважно себя чувствуешь?

— Я бы не то что сел, я бы теперь лёг. Ах, годы, годы!.. Что за гнусная штука эта старость! Какое там — неважно! Вот где у меня болит — прямо в сердце! — И постучал себя по карману пиджака.

— Там не сердце, дед, там бумажник! — возразил я.

— Сердце, бумажник — велика разница, — проворчал он и с грустью добавил: — Мне больно видеть, что в семье нет единства, сплошные противоречия. Вот *ты* не хочешь ехать с *нами...* — Дед тяжело вздохнул, и в глазах у него блеснули слёзы. Одну из них он смахнул дрожащей лапой.

Я не знал, что и сказать.

Ехать, однако, совсем не хотелось...

— Поедем с нами, внучек, порадууй старика! — умоляюще приговаривал дед, дёргая меня за рукав.

— Но, дедушка, я...

— Скажи «да» внучек, — не унимался он, изо всех сил шмыгая носом. — Ну, сделай это для меня, ведь я тебе дал

СТОЛЬКО

и ни разу, ни разу ни о чём не попросил взамен!

— Да я... в общем-то... Ну ладно, —
промямлил я, сдаваясь.

И тут произошло невероятное, можно
сказать, чудо.

Дед вдруг помолодел лет на тридцать,
вскочил со стула и заголосил:

— Тогда едем! Едем! Немедленно! Такси!!!

И пинком распахнул дверь.

Все мои родственники (вероятно, они
подслушивали) попадали друг на друга.

— Дед! Дедушка! — закричал я ему вслед.

Но он уже мчался к выходу и вопил во
всю глотку:

— Едем, за^хребетни_{ки}!

ПОЧЕМУ МЕНЯ

НЕ ИЗВЕСТИЛИ?

за ребенка

СВЕРХСКОРОСТНОЙ ФУРГОН

И тут я понял, что попался.

Клянусь всеми сырами на свете, меня
надули как последнего идиота!

Настроение сразу испортилось. Вы же
меня знаете:

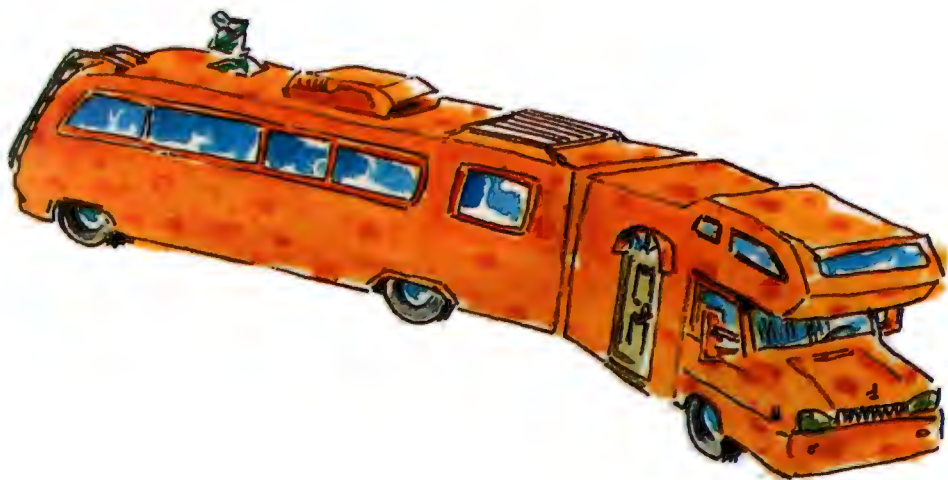
Я НЕ НАВИЖУ ПУТЕШЕСТВИЯ!

А дед, напротив, ликовал, как всегда перед
дорогой:

— Я прирождённый следопыт! Обожаю
странствовать по свету! — Он лукаво
подмигнул Тее. — Ты, душенька, вся
в меня, тоже непоседа (не то что другие
внуки).

Я вздохнул. С этим не поспоришь!
У Теи, как и у деда, мания
странствий. «Как **ЩЁЛКНЕТ**
что-то у меня в голове, — то и дело твердит
дед, — так я без разговоров запрягаю свой
фургон сырного цвета — и вперёд!»

А ездит он на автопилоте:
50 км в час, не больше, притом
исключительно в левом ряду.

Водители ему сигналият, ругаются,
кулаками машут — бесполезно. Дед не
сдвинется ни на сантиметр.

А Пина всё равно его пинает (ему пеняет):
— Помедленней, *господин* Торквато, а то
всю посуду побьёте!

Пришло время описать *непогрязаемый*
дедушкин фургон. Длина от переднего
до заднего номера — двадцать четыре метра
восемьдесят шесть сантиметров.

Фургон выкрашен в ярко-жёлтый сырный цвет.

Кабина оснащена спутниковой системой управления, способной доставить вас в любую точку земного шара.

Столовая обставлена в стиле ампира, на стенах картины в золочёных рамках. Тут

дед ужинает при свечах.

Пина подаёт ему еду на блюдах из тончайшего фарфора и вино в хрустальных бокалах.

Подстаканники у деда из ценного оловянного сплава, а столовые приборы, ясное дело, из серебра.

В фургоне есть также просторная спальня,

в центре которой возвышается королевское ложе из кедрового дерева под шёлковым балдахином. Дверь из спальни ведёт в отделанную мрамором ванную, где имеются ванна с гидромассажем в форме куска сыра и сауна.

Кабинет-библиотека уставлен старинными фолиантами; здесь дедуля кропает свои мемуары.

Ещё в этом движущемся дворце предусмотрены комната для гостей и чуланчик.

Ах да, забыл про кухню — царство экономки Пины, которая сопровождает деда во всех его вояжах. Кухня тоже оборудована как полагается: здесь есть всё, от каменной печи для выпечки хлеба до

гигантского

холодильника со встроенным компьютером,
предупреждающим хозяйку о том, что
кончаются припасы.

У Пины есть
тайная мечта
открыть ресторан.

Она даже
название
придумала —
«Золотая
макаронина».

Как знать,
может, когда-
нибудь... Но
одной кухней

Пина не
ограничивается.

Она мастерица на
все лапы. К примеру,
делает уколы

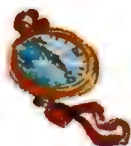
с оплеухой, чтоб отвлечь пациента от вида
иглы. Или карбюратор может починить...

Она никогда не расстаётся
с телескопической (то есть выдвижной)
скалкой из серебра — подарком деда, там
выгравированы её инициалы. Этой скалкой
она раскатывает тесто на лапшу, а при случае
использует её как орудие самозащиты. Ночью
кладёт её под
подушку вместо
пистолета.

Деда Пина
консультирует по
всем вопросам:
как одеваться,
как играть на
бирже. И только
она может
призвать
к порядку
старика
Торквато!

КОМПАС В ГОЛОВЕ

Мы двинулись в путь. Но уже к вечеру
Смышль и Вениамин вынуждены были
вернуться, потому что им надуло в **уши!**

А мы отправились дальше. Дед сидел за рулём, Пина колдовала у плиты, сестра щёлкала фотоаппаратом, увековечивая пейзажи. А я по карте говорил деду, куда ехать.

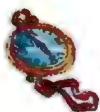
Но дед, как всегда, меня не слушал, он, по обыкновению, ехал куда кривая вывезет и, как водится, сбился с пути. Вот типичный образчик нашего разговора.

— Дедуля, на следующем перекрёстке надо свернуть налево!

— Мозги у тебя налево, внучек! Не налево, а направо, я сердцем чую!

— Есть же карта, дедушка... И компас...

— Вечно ты со своими глупостями! Компас у меня вот здесь, в голове! Отстань, не отвлекай от дороги!

И, естественно, мы всегда попадали не туда.
Так случилось и на этот раз.

Мы долгое время ехали среди неухоженных
полей, по дороге без указателей.

А когда стемнело, очутились в непроходимом лесу. Я хотел было задействовать самую современную спутниковую систему, но не нашёл к ней инструкции.

Дед остановился у обочины и заявил:

— Я пошел спать. Кто поведёт?

Воцарилась тишина. Он *никогда* не доверял другим свой фургон!

— Так кто поведёт? — вновь спросил дед.

Молчание. Никто не издал ни звука.

— Что такое? — **ВЗВИЗНУЛ** он. — Почему никто не хочет сесть за руль? Скажите честно: не знаете, куда ехать?! Учитесь ориентироваться, это в жизни пригодится, дети мои! А то вечно вам всё на блюдечке подавай! И пусть этот случай послужит вам уроком!

ДЕЙСТВУЙ, ДЖЕРОНИМО!

— Действуй, Джеронимо! — **заверещала**
Тея. — Надо же что-то делать! Выйди,
спроси кого-нибудь!

Я похолодел.

— Что-что? Почему я?

— Потому что я слабый пол! — фыркнула
сестрица. — Будь *мышчиной* хотя бы раз
в жизни!

— Пардон, ты же всегда выступала за
равноправие полов, — удивился я.

И тут елеиным голосом вмешалась
Пина.

— *Господин* Джеронимо,
будьте так любезны, посмотрите, не идёт ли
дождь.

Я высунул наружу лапу и прищурился,
вглядываясь в темноту. И тут...

БАМЦ!

За мной захлопнулась дверь фургона...
и в замочной скважине повернулся ключ.

Пина довольно захихикала.

— Вот видите, как просто, *господин*
Джеронимо, вы даже не заметили!

— Что такое? — пролепетал я. — Вы меня
выставили за дверь? Ночью? В глухом лесу?
Вы не имеете права!

Я ещё долго возмущался, пока не заметил,
что сотрясаю воздух.

Две негодницы удалились в комнату для
гостей, оставив меня одного!

И тут я запищал, позабыв про гордость:

*— Отпри-и-ите!
Помоги-и-ите! Я темноты боюсь!*

На мои мольбы никто не отозвался! Никто!
Ни одна душа!!!

Я слышал, как сестрица моется в душе и
весело распевает.

И как Пина, запершись на кухне, терзает
скалкой тесто.

Что, интересно, она готовит — лазанью
или лапшу?

А может, ватрушку из слоёного теста?

Я тяжело вздохнул. Мне уже больше её
блюд не отведавать. Живым я отсюда не
выберусь!

Зачем, ну зачем я дал себя втянуть в эту
авантюру?

Понутив голову, я направился в лес.

Какая гнусность!

Какая несправедливость!

Кому как не мне знать: Тея, когда ей надо,
притворяется слабой и беззащитной...

Однако же моя сестрица...

1. прыгает с парашютом!

2. лихо гоняет на мотоцикле!

- 3. имеет чёрный пояс по каратэ!
- 4. пилотирует самолет!
- 5. ведёт курсы по выживанию!
- 6. исколеси́ла весь мир вдоль и поперёк как спецкор *«Голоса грызуна»* и в каких только переделках не побывала!

Одним словом, моя сестрица
Тея Стилтон не боится
НИКОГО и НИЧЕГО на свете!

Она не боится, а я боюсь...

Я огляделся и содрогнулся. Лес был чёрен, как чёрные чернила. К счастью, я вовремя вспомнил, что на брелоке от ключей у меня висит маленький фонарик, и, освещая себе дорогу тонюсеньким лучом, углубился в лес. Отовсюду слышались странные скрипы и шорохи, как будто кто-то крался за мной по пятам. Вы боитесь темноты? Я лично боюсь.

В темноте всё внушает страх. Но есть кое-что пострашнее крошечной тьмы... Это полумрак, в котором каждая тень приобретает зловещие очертания. Ветви кажутся тянущимися к небу скелетами, ночные бабочки вырастают до размера летучих мышей, камни вспыхивают в лунном свете, словно глаза призраков...

ДЕЙСТВУЙ,

ДЖЕРОНИМО!

Вдруг сзади мелькнула **чья-то** тень,
и у меня от страха вырвался
жалобный писк:

Пишиши!
Пишиши!

Кто-то преследует меня!

Я пустился бежать со всех ног.

Но вскоре понял: это же *моя* тень!

СТИЛТОН СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ?

Я хотел вернуться к фургону, но понял, что забыл, в какой он стороне!

Тогда я опрометью бросился по тропинке — куда-нибудь да выведет!

Бежал, бежал, бежал... пока не споткнулся о корень и не угодил носом в целый ворох прелых листьев.

Поднимаю голову...

И вижу на тропе силуэт другого грызуна.

— Дедушка?!

— *Дедушка?! —* усмехнулся грызун и направил мне прямо в глаза слепящий луч фонарика.

Я немного приободрился, встал, начал стряхивать с себя листву.

— Дедушка, ты за мной пришёл?
Он недоумённо покачал головой.
И тут я понял, что передо мной
незнакомец.

Мохнатый, с большими квадратными ушами, квадратной мордой, квадратными плечами. Хвост, и тот показался мне квадратным!

— Ты кто такой? Чего тебе надо? — отчаянно пискнул я и тут же пустился в объяснения: — Я приехал в жёлтом фургоне. Вышел дорогу спросить, да вот, заблудился... Меня зовут Стилтон. Джеронимо Стилтон.

— Стилтон? — недоверчиво переспросил он.

— Да, Джеронимо Стилтон!

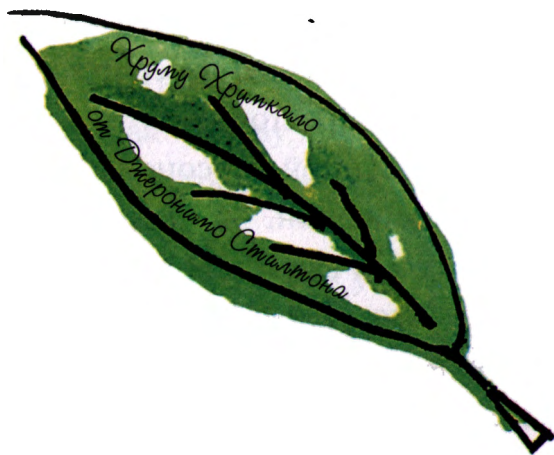
— Стилтон собственной персоной? — восторженно заверещал он. — Знаменитый писатель? Я читал все ваши книги! Моя любимая — «Улыбка Моны Мышизы». Ах, какой детектив! А меня зовут Хрум Хрумкало. Нельзя ли попросить у вас автограф?

Надо признать, на лезть я падох. Да и кто устоит перед **обожанием** поклонников?

Разумеется, мне было приятно, что мои книги читают даже здесь, в этой Тмутаракани...

Я благосклонно начертил автограф на зелёном листке, а он рассыпался в благодарностях.

СЫРНАЯ ЛАЗАНЬЯ

— А не скажете ли, как попасть в Мышарктику? — спросил я.

— В Мышарктику? — удивился Хрум. — Так это ж совсем в другой стороне! Вы заехали в Крысиновый лес, вам надо поворачивать **обратно!**

— Сыр подери, говорил же я деду, что не туда едем! А он упёрся — нет, туда!

Хрум дружески похлопал меня по хребту.

— Не отчаивайтесь, всё можно исправить. Сперва я объясню вам, как дойти до фургона. А оттуда покажу дорогу в Мышарктику. Итак...

На объяснение дороги у него ушло
полчаса. Только б ничего не перепутать!

На прощанье Хрум пожал мне лапу.

— Я счастлив знакомством с вами,
маэстро Стилтон. Желаю вам счастливого
пути!

Я поблагодарил его и отправился назад по
тропинке.

— Так-так, идём налево (или направо?) от
большого дуба, минут десять до кривого вяза,
потом **2** раза (или **3?**) поворачиваем
направо, переходим ручей, поднимаемся
в гору, нет, спускаемся в долину, а потом
идём до огромной скалы в форме кошачьей
головы, там переходим через мостик,
перелезаем через старую сосну, поваленную
грозой, и поворачиваем сначала налево,
потом направо и дальше прямо... Или
сначала прямо, потом направо, потом налево.
Нет, налево, направо и прямо... Сыр подери,
что ж я не записал?!

Ещё час, наверно, я блуждал по лесу,
пока с ужасом не осознал, что опять
заблудился!

— *Чтоб у меня усы отсохли,*
что ж мне теперь делать? — заголосил
я в крошечной тьме.

Ну зачем, зачем я поддался на эту
авантюру? Ведь я интеллигент,
а не следопыт. Всем известно, **как**
я ненавижу путешествия! Меня буквально
передёрнуло от холода и отчаяния.

Как быть?! И тут, сам не знаю зачем,
я поднял голову и принюхался.

Точно! Сырная лазанья!!! Собрав последние
силы, побрёл я на дивный запах и тут, как
мираж, предо мной предстал сияющий
огнями фургон.

Спасён! Я спасён!

Мне не терпелось добраться до фургона
и рассказать родне о моих приключениях.
Они там небось с ума сходят... и будут

страшно рады
увидеть меня целым
и невредимым.

Когда я вошёл, все
уже сидели за столом.

— А-а, это ты,
Джеронимо, — равнодушно
проронила Тея.

— Кто? — спросил
дед.

— Джеронимо.

— А он разве
уходил? — удивился

дед, уплетая хрустящий пирог с сыром
таледжо.

Я устало опустился на диван
и пробормотал:

— Я заблудился и нашёл фургон только по
запаху сырной лазаньи.

— Да, — приосанилась Пина, — моей
лазаньи! Её ни с чем не спутаешь.

— Кстати, о лазанье, — заметил я. — Я бы с удовольствием съел кусочек.

— Кончилась! — отрезала Пина. — Такая вкусная была, что *господин* Торквато всю умял за милую душу. — И с торжествующим видом показала мне сверкающую как зеркало (то есть пустую!) сковороду.

— Как?! — возопил я. — Вы и мою порцию съели?

*Зачем, зачем, зачем
я с ними поехал?*

ПИНА ВСЕГДА ПРАВА

На рассвете мы
тронулись обратно,
по направлению
к автострате.

— **Эгегей!** — издал
дед боевой клич. —
Мы снова едем
в Мышарктику! —
И принялся
напевать: — *Бродяга*
я-аааа! Бродяга
я-аааа! Скитаюсь

я-аааа, скитаюсь я, скрываюсь я-аааа!
Бродяга я-аааа! Бродяга я-аааа! Да аа ааа!

У меня вырвался вздох. Ну зачем, зачем я
с ними поехал?

Путешествие было нескончаемым. Мы продвигались всё дальше на север, по ледяным, пустынным равнинам, мимо бурных рек.

По утрам я кутался в куртку на кошачьем меху, наматывал шарф из шерсти тигрового кота, по самые брови надвигал ушанку с электрическим подогревом и всё равно мёрз...

Пейзаж мало-помалу менялся. Растительность всё больше скудела (холод вреден не только мышам!), а солнце радовало нас всё реже и реже.

Мы несколько раз спрашивали дорогу у попадавшихся навстречу грызунов, и те неизменно указывали на север.

И наконец как-то под вечер из густого тумана вынырнул дорожный указатель.

М-Ы-Ш-А-Р-К-Т-И-К-А...

— Мышарктика! Прибыли, ребята! —
радостно заголосил дед.

— Остановите у первого супермаркета, —
распорядилась Пина. — Мне надо провизию
закупить.

— Госпожа Пина, — заметил я, — здесь
нет супермаркетов. Это же Мышарктика!

Экономка недоверчиво фыркнула
и проворчала:

— Как это — нет? А это что, по-вашему?

Не успел я ответить, как она уже выпрыгнула из фургона со своей огромной хозяйственной сумкой и резво потрусила к покосившемуся, обшарпанному строению, на грязном прилавке которого были выставлены продукты весьма сомнительного качества. Пучки вялой редиски, картофель в комьях земли, оплетённые паутиной яйца, пыльные бутылки с жидкостью странного цвета, банки с проржавевшими крышками, внутри которых в белесоватом сиропе плескались сморщенные фрукты и ягоды.

В больших плетёных корзинах хранились яблоки довольно рахитичного вида. От бочек, стоявших в самом тёмном углу этой лавчонки, исходил запах кислой капусты — прямо скажем, подозрительный запах. На железном подносе лежала селёдка, и вонь от неё шла такая, что я с трудом устоял на ногах.

Продавец за прилавком приветливо улыбнулся нам.

— *Минск! Бенвенутов!*

— Мне полкило кошчины, варёной, — распорядилась Пина, — три упаковки фондю быстрого приготовления для микроволновки... и большую банку майонеза *«Моя мышь»*. Только смотри, чтобы срок годности не истёк, а то знаю я вас, мышенников!

Продавец за прилавком что-то залопотал

на мышарктическом наречии, то и дело повторяя: «*Нема! Нема!*»

Пина пожала плечами и потребовала:

— Хватит болтать, зови сюда хозяина.

Я подошёл и снисходительно объяснил ей:

— Мы в Мышарктике, я же говорил, что здесь далеко не все продукты можно купить, а вы мне не верили!

Но Пина, не обращая на меня внимания, повелительно кивнула *продавцу-мышеннику* и повторила:

— Зови хозяина, кому говорят!

Продавец поклонился и исчез.

Минуту спустя вышел другой грызун, потолще, в мохнатой ушанке, с провизией, которую требовала Пина. Он свалил всё на прилавок и пропищал:

— *Эк-Киев!*

У меня глаза на лоб полезли от изумления.

— Как же так?

А Пина посмотрела на меня с надменным видом и заключила:

— А так, *господин* Джеронимо, у хозяйки зоркий глаз. Сколько уж лет я хожу за покупками и знаю, где что покупать. Запомните хорошенько: Пина всегда права!

Мы расплатились и вышли. Тея фотографировала пейзажи: тёмное небо, любопытных аборигенов, сбежавшихся поглазеть на нас, — и одновременно вещала в диктофон:

— *Вся Мышарктика — одна большая деревня. На главной площади находится магазин, где можно закупить все необходимые продукты местного изготовления...*

Я вернулся в фургон, и мы вновь тронулись в путь. Порой нам преграждали дорогу чистые ледяные речки, спускавшиеся с гор, и мы переезжали их по шатким деревянным мосткам. Прохожие попадались редко, но все приветливо махали руками и кричали:

— *Минск! Минск!*

СКАЖИТЕ ПРАВДУ...

Мы продолжали путь в неведомое.

Дорога становилась всё круче; фургон с трудом полз по дну ущелья, выдолбленного каким-то негодяем в каменистом склоне горы.

Лёд на дороге растрескался, как плесень камамбера. Я обливался холодным потом, видя, что за каждым поворотом дорога всё сужается и колёса фургона шуршат в опасной близости от бездны. Жутко боюсь высоты!

Наконец, миновав ущелья и теснины, мы выехали на открытое плато.

Дед лихо выпрыгнул из фургона и вдохнул полной грудью.

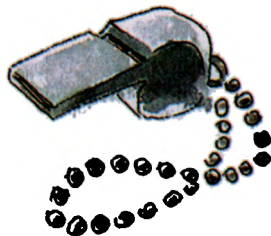
— Вот это я понимаю — воздух! Тея, записывай, записывай, ты же такая дотошная (не то что другие внуки). Порекомендуем туристам разбивать лагерь именно здесь. Представляю, какие тут рассветы!

А сестра и без того уже выстукивала на своём ноутбуке заметки для будущего путеводителя по Мышарктике: километраж, заправочные станции и всё такое.

Смирившись с неизбежностью, я из фургона. После долгой дороги у меня онемели спина и хвост.

Хотел было пройтись — размять ноги, но тут Пина оглушила меня разбойничьим свистом, означавшим «кушать подано».

КОЛЬЗНУЛ

— Живей, живей, за стол, всё
Остынет, — понукала нас она.

Пина недавно вбила себе в голову, что
деду надо похудеть, а мне — поправиться.

— *Господин* Торквато, вам оливка
и листочек
салата.

А *господину*
Джеронимо
лапша, рагу из
горгонзолы,
большая порция
свиного
жаркого, фондю
с проволоке
и ветчиной...
а на десерт
кусочек торта
с творогом,
взбитыми
сливками
и шоколадной

глазурью, а также крем-карамель с концентратом патоки и кокосовой стружкой.

я содрогнулся.

— Мой желудок этого не выдержит!

— Не волнуйтесь, я отвечаю за ваш желудок! Хе-хе-хе! Если правильно питаться, желудок станет крепким, как чугунный котёл. После моей кухни он даже камни переварит!

Дед завистливо прищурился на мою щедро наполненную тарелку и шепнул:

— Давай поменяемся, внучек.

Но Пина была на страже.

— *Господин* Торквато, я всё слышу! Поймите, я же ради вашего блага стараюсь, вы сильно растолстели, вам надо сбросить лишний вес. А вы, *господин* Джеронимо, налегайте! Вам надо питаться!

Я открыл было рот, чтоб возразить, но Пина воспользовалась этим по своему усмотрению: до краёв набила его лапшой.

— Скажите правду, проглотили и не заметили! — самодовольно усмехнулась она.

ЧТО-ТО СТРЯСЛОСЬ!

Ночь была долгая, кошмарная. Мне снилось, что я превратился в гигантский бутерброд с тремя видами сыра.

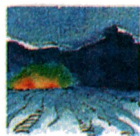
— *Пиийик!*

Я проснулся от собственного писка, выглянул из окна: небо ещё тёмное.

Подумав, что ещё ночь, взглянул на будильник, но стрелки показывали десять утра.

Я забеспокоился и разбудил сестру.

— Тея, на улице темно. Солнце не встало. Что-то стряслось!

ТЁМНАЯ ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ...

Сестра заглянула в атлас и в Интернет, потом долго вычисляла на калькуляторе широту и долготу и наконец со вздохом объявила:

— Всё ясно! Здесь, на Крайнем Севере, рассветает всего на несколько часов в день. Всё остальное время царит тёмная полярная ночь.

Мы двинулись дальше, все во власти сомнений. Какой смысл издавать путеводитель по местам, где никогда не светит солнце?

Какой турист сюда поедет?

Настроение у меня упало ниже нуля.

Ну зачем, зачем я с ними потащился?!

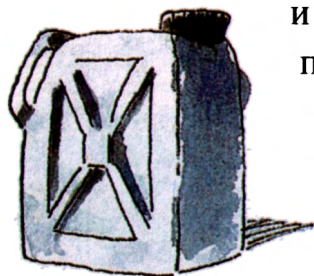
Что понесло меня (страстного противника путешествий) в этот Богом забытый уголок планеты, в эту вечную ночь? *Долго-долго* ехали мы в полном молчании (никто не решался рта открыть, даже Пина) и наконец очутились в заснеженной пустыне. Вся земля обледенела, ни одного деревца, лишь какие-то жалкие пучки торчали там и сям. Вблизи не было видно никакого жилья, но наш фургон вдруг остановился.

— Бензин кончился, —
сообщил дед.

Он достал из-под сиденья
огромную пустую канистру
и помахал ею у меня
перед носом.

— Ну ничего, внучек.
Надо только поискать
бензоколонку!

— И кто пойдёт
искать? — осторожно
спросил я.

— Я — нет, стар я для
таких дел, — буркнул дедуля.

— Я — нет, я как-никак дама, —
пропищала Тея.

— А на мне готовка! — донеслось из
кухни, где Пина колдовала над гигантской
пиццей с

четырьмя сырами.

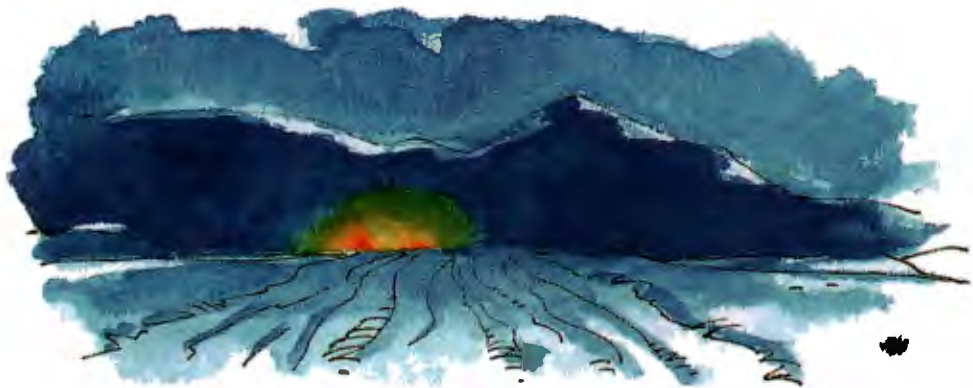
— Почему всегда я?

Но экономка уже распахнула передо мною дверь.

— Ступайте, *господин* Джеронимо! А уж я для вас кусочек пиццы в тёплом месте приберегу!

Я вышел из фургона в самом гнусном расположении духа.

Двинулся по дороге, думая о моём теплом, уютном, гостеприимном доме. Как меня занесло в эту ледяную глушь? Зачем, ну зачем я согласился на дедовы уговоры?!

ДЕД МОРОЗ?

Вдруг я услышал перезвон колокольчиков.
Обернулся и увидел грызуна, который, сидя в
санях, правил оленьей упряжкой.

Я разинул рот от удивления.

Секунду поразмыслил и пролепетал:

— Де-Де-Дед Мороз???

Но, приглядевшись, понял, что это
местный житель, который, видимо,
направляется на оленью пастбище.

— Стой! — заорал я.

Но он меня не понял.

— Мне нужен бензин! — вопил я ему
вслед, размахивая канистрой!

Но он лишь плечами повёл — мол,
не понимаю — и поехал дальше. Я пробежал
за ним несколько метров,
но тут меня осенило,
и я с криком выбросил
вверх лапу:

— Автостоп!

Он притормозил,
улыбнулся
и переспросил:

— *Автостоп?*

— Да, автостоп,
автостоп! — закивал я
и улыбнулся в ответ.

Он кивком
пригласил меня
садиться и,
заскрежетав тормозами
(разве у саней бывают
тормоза?), понёсся
дальше на бешеной
скорости.

СЕНО ДЛЯ ОЛЕНЕЙ

Грызун, согласившийся меня подбросить, гнал своих оленей как сумасшедший — куда до него Деду Морозу!

Он, будто нарочно, выбирал самые крутые подъёмы и спуски и в полёте восторженно подвывал ветру: «Пик-пипипипи!»

Вдобавок он успевал тараторить помышарктически, — одному Богу известно, что он мне рассказывал. Я изо всех сил старался улыбаться и вежливо кивать, но улыбка выходила крайне натянутой, особенно когда сани опасно кренились на один бок.

А этот чокнутый, вместо того чтобы смотреть на дорогу, то и дело отпускал вожжи: то высморкается, то усы подкрутит,

Грызун гнал своих оленей как сумасшедший!

то в ухе поковыряет, то пересчитает монетки в левом кармане, то из правого вытащит коробочку с мятными пилюльками для освежения полости рта и протянет мне через плечо, и при этом без умолку рассказывает что-то на своём непонятном наречии и заливисто смеётся.

— Смотрите на дорогу, — кричал я в отчаянии, когда сани начинало мотать из стороны в сторону, — вернее, на бездорожье, словом, перед собой смотрите.

Осторожно-o-o!

А возница только хохотал в ответ, видимо, сочтя моё предупреждение удачной шуткой.

Я с удвоенной **силой** вцепился в боковые перекладыны саней, чтоб не выбросило на очередном вираже. Ну зачем, зачем я согласился на это безумное предприятие?!

Взметая голубые искры снега, сани продолжали свой бесконечный бег по тёмной ледяной пустыне, и накатанная полозьями колея становилась всё тверже от крепчавшего мороза.

От этого (заметил я с *ужасом*) скорость саней стремительно нарастала.

Теперь они уже не бежали, а, казалось, летели в морозном воздухе, как волшебный ковер-самолёт.

Наконец я, словно в мираже, разглядел на горизонте слабо мерцающий огонёк.

Это оказалась бензозаправочная станция!

Мой маниакальный возница лихо остановил свою четвёрку, взметнув фонтан снежной пыли метра на полтора в высоту.

Ни жив ни мёртв, я вылез из саней
и попрощался.

— Э-э-э, с-с-спасибо!

Он сделал широкий жест, как бы говоря
«всегда пожалуйста, амиго!»,
и принялся заправлять
свой транспорт сеном.

Я же, наполняя
канистру бензином,
лихорадочно
соображал, как мне
вернуться
к фургону.

Однако
проблема была
вскоре решена:
заправщик познакомил
меня с другим грызуном,
который заливал горячее
в аэросани, прежде чем направиться
в противоположную сторону.

С благодарностью приняв его приглашение, я, предосторожности ради, справился:

— Вы скорость не превышаете? Водите осторожно?

Тот закивал: *не волнуйся, дескать, ползаю, как черепаха, за двадцать лет ни одной аварии, на меня все страховые компании молятся!*

Потом ободряюще похлопал меня по плечу и протянул шлем, пробурчав что-то помышарктически.

Меня его заверения не очень успокоили, но делать было нечего! Зачем, ох, зачем я пустился в это проклятое путешествие?!

Ощущая лёгкую дрожь в ногах, я взгромоздился на азросани, и мой новый знакомый рванул с места как

*молния
молния*

НА ПОМОЩЬ! Я НЕ УМЕЮ ВОДИТЬ АЭРОСАНИ...

Вцепившись в сиденье, я подумал: эх, была не была, хуже уже не будет!

Увы, я жестоко ошибался...

Спустя примерно полчаса мой мышарктиец обернулся и, указав мне на приборы аэросаней, что-то залопотал на своём языке. Потом ещё раз похлопал меня по плечу и...

...уткнувшись мордой в приборный щиток, заснул сладким сном!

— Что такое? — вскричал я. — Пардон, я не умею водить аэроса-а-ани!

Мой отчаянный крик растаял в снежной ночи.

На помощи! Я не умею

ВОДИТЬ АЭРОСАНИ...

Надо бы его потрясти, но я боялся
ненароком крутануть руль.

Впереди замаячил головокружительный
спуск.

— *На по-о-о-мошь!*

На мгновение, которое мне показалось
вечностью, аэросани зависли в воздухе.

В гробовой тишине слышалось только мирное посапывание моего водителя... Наконец сани вновь очутились на земле и, как ни в чём не бывало, покатали дальше.

Уж и не знаю, сколько времени прошло, прежде чем *этот тип* соизволил пробудиться.

Потянулся, зевнул, вновь похлопал меня по плечу: *ну что, амиго, давай сменю тебя?*

Но тут впереди показался знакомый силуэт: наш фургон!

Темноту с шипеньем разрезали яркие вспышки:

Шшшш! Шшшш! Шшшш!

Это сестрица Тея без конца щёлкала фотоаппаратом.

— Эй! — крикнул я водителю. — Тормози! Где тормоз?

Тот лишь усмехнулся в ответ.

И, не сбавляя скорости, так круто развернулся перед фургоном, что меня выбросило из сиденья, как из катапульты.

Лихач сбросил на снег канистру с бензином и умчался в ночь, махнув мне лапой на прощанье.

— *Минск!* — донеслось до меня из темноты.

Я на четвереньках выбрался из огромного сугроба, выплёвывая льдинки, а сестрица тем временем с удовольствием снимала меня во всех возможных ракурсах.

— Эти снимки станут украшением нашего путеводителя! — торжественно заявила она. — Надо только подписи придумать поэффектнее. Например, так:
«Издатель собственной персоной на аэросанях. Любителям острых ощущений».

А у меня даже ответить ей сил не было. Я поплёлся к фургону, чтобы переодеться

в сухое, но не успел войти, как Пина
запихнула мне в рот кусок пиццы, которая
обожгла мне и язык, и нёбо, и глотку.

— Кушайте, *господин* Джеронимо,
я ведь вам обещала, что пицца не остынет.
Вы довольны?

Ну зачем, зачем, зачем я отдал себя на эти
муки?!

КАК ЛОВИТЬ РЫБКУ В МУТНОЙ ВОДЕ

Несколько дней мы блуждали по заснеженным просторам Мышарктики, жёстами объясняясь с её обитателями. К сожалению, словарей мышарктического не существует в природе (туризма-то нет, кто станет их покупать?!). За эти дни сестрица Тея заставила меня перепробовать все виды местного спорта, поскольку собиралась описать их в путеводителе. Так, я принял участие в:

А игре в снежки (посмотрите хорошенько на фотографии — совершенно идиотский у меня вид, не правда ли?).

Б конкурсе на лучшую
снежную бабу (в самый разгар
соревнования
я отморозил хвост и сошёл с дистанции).

В испытании выносливости (три
команды спасателей в течение восьми часов
не могли меня найти).

Т скоростном беге на коньках по Большому Ледяному озеру (лёд оказался непрочным, я свалился в воду и мгновенно оброс толстой ледяной коркой).

Д состязании по ловле рыбки в мутной воде (думаю, тут подробности излишни).

Э постройке лучшего иглу (я забыл сделать выход и замуровал себя внутри).

МЫШЕДДЕР! МЫШЕДДЕР! МЫШЕДДЕР!

Состояние у всех было подавленное.

— Джеронимо, как думаешь, стоит печатать путеводитель по Мышарктике? — спросила сестрица, вяло стуча по клавишам ноутбука.

— Боже мой, нет! — воскликнул я. — Какой дурак поедет в вашу Мышарктику, где сорок градусов ниже нуля, где никогда не светит солнце и где главное развлечение — ловить рыбку в *мутной воде*?

Тея вздохнула, выключила компьютер и уставилась в одну точку. Остальные готовились к отъезду.

Мышеддер! Мышеддер!

Мышеддер!

Я решил размять лапы
перед дальней дорогой.
Может, от прогулки по
морозцу в мыслях
наступит просвет...

По протоптанной
в снегу тропинке я
направился
в близлежащую деревню.
Проходя мимо одного
дома, я заметил в окне
семью аборигенов,
рассевшихся вокруг
стола.

Морды у всех были
страшно довольные.
Видимо, оттого, что они
жадно поглощали
большие куски
золотисто-жёлтого
сыра...

В окно выглянула хозяйка и приветливым жестом пригласила меня войти.

Сквозь распахнутую дверь я уловил носом совершенно божественный аромат. Отведал их угощение — это было нечто!

Сыр, НЕЖНЫЙ, как моцарелла, **ароматный**, как горгонзола, изысканный, как выдержанный пармезан! Вкус не поддаётся описанию — ну просто симфония всех на свете сырных вкусов!

— Прошу прощения, госпожа, — спросил я у хозяйки, — а как называется этот сыр?

В ответ она поднесла мне полное блюдо этой благодати.

— *Аппетитов? Ишь Мышеддер?*

Она явно предлагала мне угоститься ещё, а мне не терпелось узнать название.

— Благодарствую, но скажите мне, как он называется!

— *Мышеддер!* — ответила она.

Я не понял.

— Как? Повторите, пожалуйста.

*Я заметил в окне семью аборигенов,
рассевшихся вокруг стола...*

Потеряв терпение, она запищала, тыча пальцем в кусок сыра:

— *Мышеддер! Мышеддер! Мышеддер!*
М-ы-ш-е-д-д-е-р! Понятов?

Оказалось, рецепт этого сыра передаётся в Мышарктике из поколения в поколение, и на основе его мышарктийцы готовят тысячи блюд: фондю из мышеддера, блинчики с мышеддером, мышеддеровое суфле...

Я кинулся звать остальных.

СЛЫХАЛИ ПРО ЗАДНЮЮ МЫСЛЬ?

— Идея! — пискнула Тея.

Она не спала всю ночь; из спальни я слышал, как она лихорадочно молотит по клавишам...

Утром она вышла к завтраку усталая, но очень довольная. Пина разбежалась к ней с чашкой дымящегося кофе.

— Взбодритесь, *госпожа* Тея!

— Слыхали про заднюю мысль? — спросила сестрица и тут же разъяснила: — Это взгляд на явление в ином ракурсе, с высоты полёта твоей фантазии.

— Предположим, — обратилась она
к деду, — ты идёшь, и вдруг перед
тобой глухая стена. Что ты станешь
делать?

Дед на миг задумался, а потом,
стукнув кулаком по столу, изрёк:

— Снесу её к чертям
собачьим! Другого выхода нет!

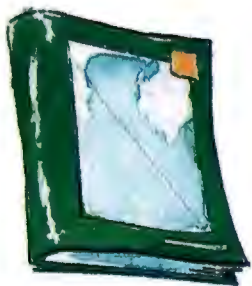
Тея покачала головой.

— Нет, есть другой
выход: можно *обойти*
стену! В том и состоит
задняя мысль: надо
обойти задачу

с тыла, поискать
новый способ её
решения.

Попробуем
применить заднюю
мысль к нашей
ситуации...

можно обойти...
обойти обойти обойти
обойти обойти обойти
обойти обойти обойти
обойти обойти обойти

Задача...

*требуется издать
бестселлер про
Мышарктику, но не
путеводитель...*

Дано...

*в Мышарктике делают
исключительно вкусный сыр
мышеддер...*

Задняя мысль!

*выпустим книгу
кулинарных рецептов на
основе мышеддера!*

КАК-НИБУДЬ В ДРУГОЙ РАЗ...

На обратном пути мы
тоже пережили немало
всяких

приключений.

Когда ехали
через лес, прямо
перед нашим
фургоном **РУХНУЛО**
гигантское дерево.

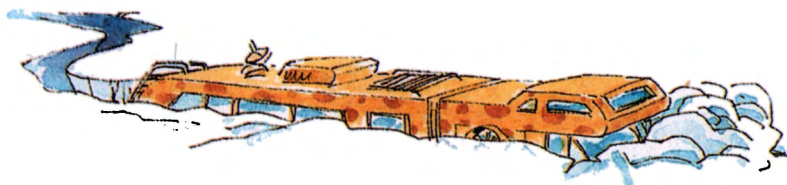
Пришлось распиливать его
бензопилой, иначе не проедешь (работа
долгая и тяжёлая, как думаете, кому она
досталась? Угадайте с трёх раз... Ну конечно
же, мне!).

Затем, летя на всех парах по ледяному треку, мы потеряли колесо. Ещё была довольно неприятная лобовая стычка с северным оленем. Наконец попали в буран и застряли в сугробе на трое суток.

Зато Пина баловала нас изысканными блюдами из мышеддера, и мы *блаженствовали* в тёплой компании, в нашем тёплом доме на колёсах...

Но о наших многочисленных приключениях и злоключениях я поведаю как-нибудь в другой раз, поскольку мы уже на 109-й странице и через восемь страниц мой рассказ подойдёт к концу!

ЖИЗНЬ — ЭТО ОЧЕНЬ ДОЛГИЙ ПУТЬ

Да, обратный путь был **ДОЛГИМ**
и утомительным. Но дед перенёс его
с привычной стойкостью: от рассвета до
заката крутил баранку.

О путеводителе он больше не заговаривал.

— Не отвлекай меня, я за рулём. Запомни
хорошенько, внучек: никогда не надо делать
несколько дел сразу — вот залог успеха
в жизни!

Ночью Тея и Пина шли спать,
а я бодрствовал, сидя рядом с дедом.
Мне нравилось покачиваться в тепле
и молчать: казалось, весь мир сузился до
размеров кабины, которая летит
в безбрежный мрак.

Я с удовольствием предавался своим
мыслям под мерный гул мотора,
напоминавший урчанье сытого кота.

Приятно было смотреть на
расстилавшуюся перед нами дорогу,
наблюдать бесконечную смену пейзажей...
Кажется, я начал находить удовольствие
в скитаниях!

Как-то ночью дед вдруг сам заговорил со
мной:

— Давно хотел тебе сказать, внучек...

От растерянности я не нашёлся, что
ответить.

— Не всегда мы с тобой понимаем друг
друга, но я всё же люблю тебя,
Джеронимо.

Я хотел было ему сказать, что тоже его
люблю, но он жестом остановил меня.

— Намотай себе на ус, внучек, мы
путешествуем не ради цели, а ради
самого путешествия. Нам надо знать, что

Жизнь — это очень

долгий путь

дорога не кончается и впереди ещё много новых приключений... Жизнь — это очень долгий путь, Джеронимо. И неважно, сколько трудностей осталось позади, важно то, что впереди, это и гонит нас в дорогу без конца. В этом, дорогой внук, смысл всей

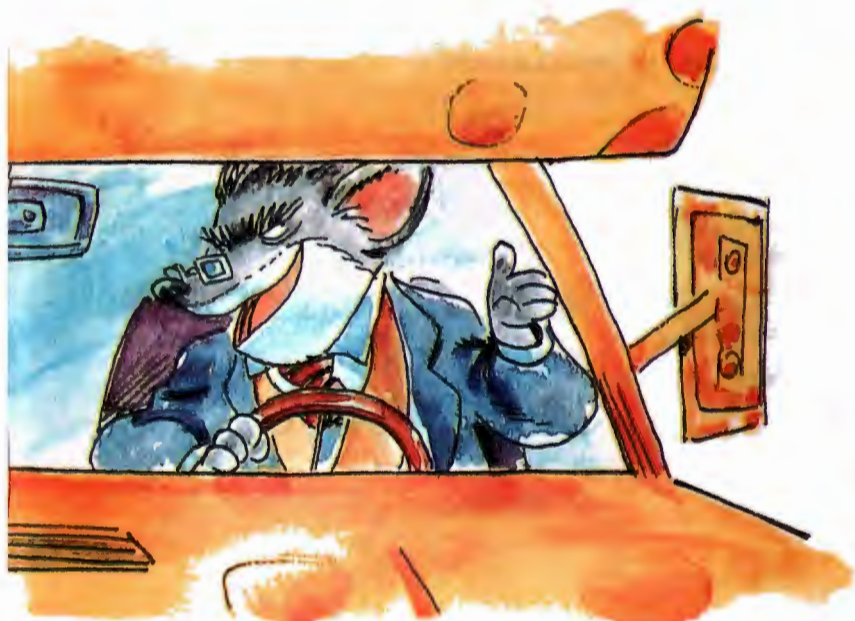

жизни. Смотри всегда вперёд, на дорогу, что зовёт и манит тебя.

Я слушал его не перебивая...

...и чувствовал ком волнения в горле: ведь я, что ни говори, *сентиментальный* грызун.

ЗАВТРА БУДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ

Едва дед умолк, я заметил на обочине дороги указатель. Мы почти дома! Дед похлопал меня по плечу и сказал:

— Теперь ты садись за руль, внучек. Я тебе доверяю. Только не гони, но и не ползи — держись всё время на пятидесяти, ясно? Давай, пересаживайся, пока я не передумал!

Он лукаво подмигнул мне и УСМЕХНУЛСЯ.

Я ответил ему улыбкой, потом пересел на водительское сиденье, схватил руль и вывел фургон на дорогу к Мышкве.

Домой! Мы возвращаемся домой! Теперь вроде бы и жаль расставаться.

Не только потому, что я привык к разносолам Пины, но и потому, что понял, наконец: дед меня *любит* и всегда *любил*...

Прощаясь, он опять похлопал меня по плечу и шепнул на ухо:

— Знай, Джеронимо: лучший способ узнать грызуна — это пуститься с ним в путь!

Они высадили меня перед домом. Тея вызвала такси, а дед с Пиной поехали дальше в фургоне.

— Завтра увидимся, дедушка? — спросил я.

— Как знать, — усмехнулся он. — Завтра будет новый день, внучек. Новый день!

— Как? Ты опять уезжаешь? Но куда?
Дед хитро прищурился.

— Не знаю. Помнишь, что я тебе говорил? Я путешествую не ради цели, а ради самого путешествия.

Деда, в отличие от меня,
сентиментальным не назовёшь, но
готов поклясться: глаза у него предательски
заблестели.

Пина помахала нам из окошка серебряной
скалкой, и фургон скрылся в темноте.

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, ДЕД

Дорогие мои грызуны, хотите знать, чем всё закончилось? **«Кулинарные рецепты Мышарктики»** пошли на «ура». Три миллиона экземпляров! Вчера я получил от деда электронное послание: *«Ну? Что я тебе говорил? Три миллиона экземпляров, три, т-р-и! Триииии! И ещё сколько допечатывать будем!»*

Теперь я уже не заикаюсь о ненависти к путешествиям. Даже решил подарить моему семейству какой-нибудь тур на Рождество, чтобы нам снова собраться вместе.

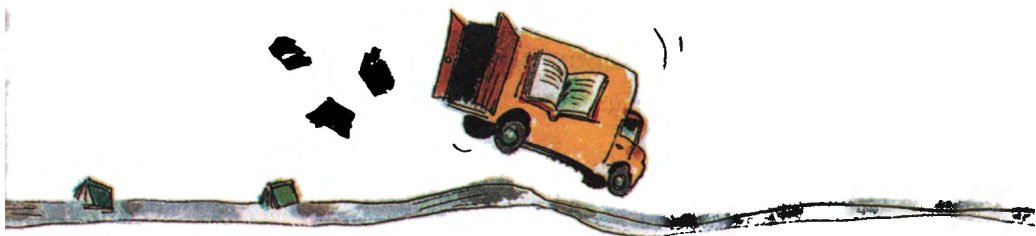
Мой вам совет: если у вас есть дед, берегите его, потому что каждый дед — это неповторимая, уникальная личность...

Оглавление

ДОКТОР СТИЛТОН, ЕСТЬ РАЗГОВОР!	7
ТОРКВАТО ТОЛКАССО	8
ЧТО МНЕ СДЕЛАЕТСЯ?	10
А МОЖЕТ, ТЫ ВОВСЕ НЕ МОЙ ВНУК?	17
МОЦЦАРЕЛЛОЧКА МОЯ!	20
А ВОТ И ПИНА!	25
ПОЧЕМУ МЕНЯ НЕ ИЗВЕСТИЛИ?	31
СВЕРХСКОРОСТНОЙ ФУРГОН	38
КОМПАС В ГОЛОВЕ	46
ДЕЙСТВУЙ, ДЖЕРОНИМО!	50
СТИЛТОН СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ?	58
СЫРНАЯ ЛАЗАНЬЯ	61

ПИНА ВСЕГДА ПРАВА	66
СКАЖИТЕ ПРАВДУ...	74
ЧТО-ТО СТЯСЛОСЬ!	79
ТЁМНАЯ ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ...	80
ДЕД МОРОЗ?	84
СЕНО ДЛЯ ОЛЕНЕЙ	86
НА ПОМОЩЬ! Я НЕ УМЕЮ ВОДИТЬ АЭРОСАНИ	92
КАК ЛОВИТЬ РЫБКУ В МУТНОЙ ВОДЕ	97
МЫШЕДДЕР! МЫШЕДДЕР! МЫШЕДДЕР!	100
СЛЫХАЛИ ПРО ЗАДНЮЮ МЫСЛЬ?	105
КАК-НИБУДЬ В ДРУГОЙ РАЗ	108
ЖИЗНЬ – ЭТО ОЧЕНЬ ДОЛГИЙ ПУТЬ	110
ЗАВТРА БУДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ	114
Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, ДЕД	117

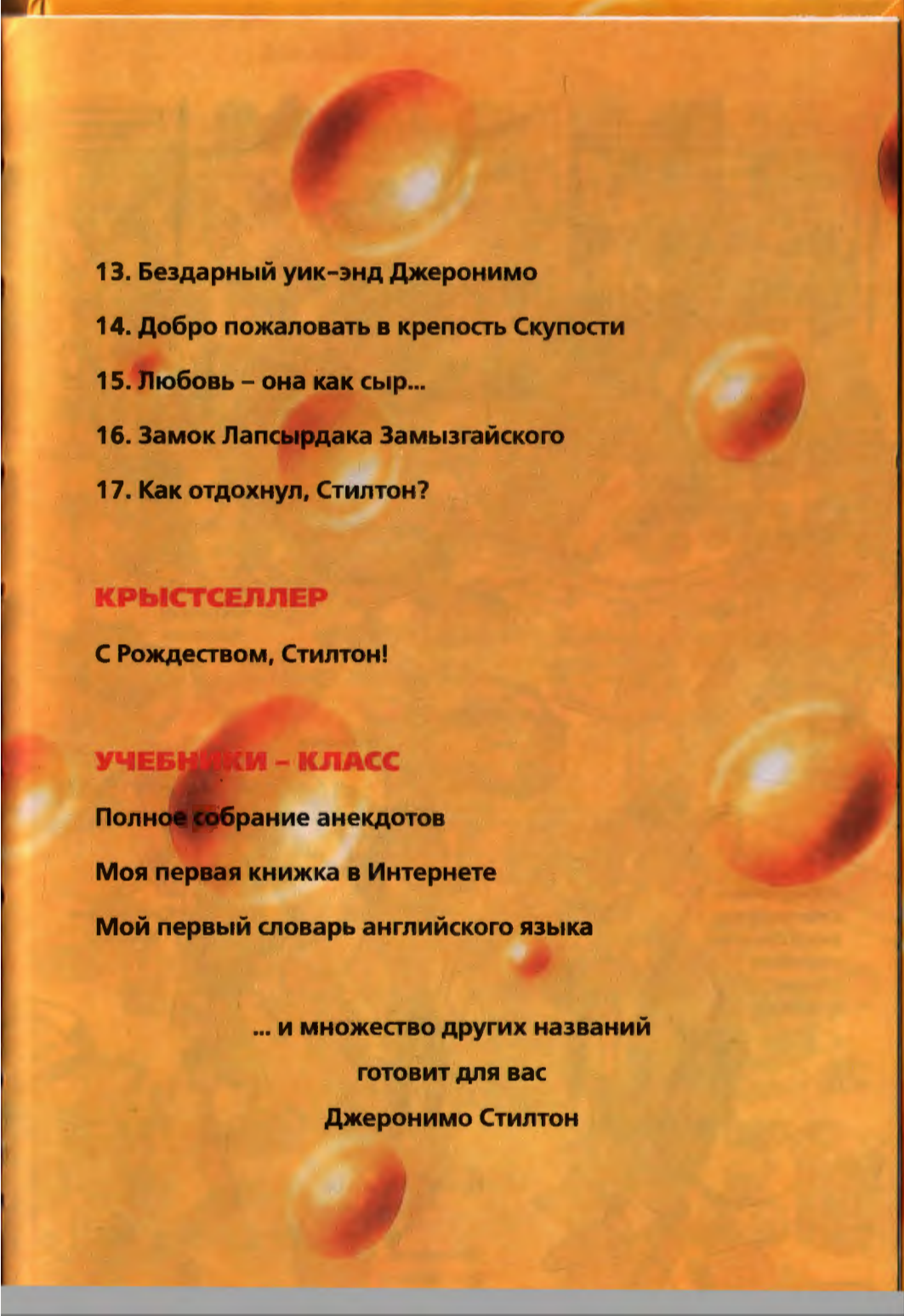

Джеронимо Стилтон

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

1. Таинственная рукопись Нострагрызуса
2. Фургон сырного цвета
3. Лапы вниз, сырное рыло!
4. Тайна затерянного сокровища
5. Призрак в метро
6. Четверо мышей из Чёрных джунглей
7. Тайна изумрудного глаза
8. Кошачий галион
9. Мушиное мороженое для графа
10. Улыбка Моны Мышизы
11. Ох уж этот кофе со сливками!
12. Я Стилтон, Джеронимо Стилтон

-
13. Бездарный уик-энд Джеронимо
14. Добро пожаловать в крепость Скупости
15. Любовь – она как сыр...
16. Замок Лапсырдака Замызгайского
17. Как отдохнул, Стилтон?

КРЫТСЕЛЛЕР

С Рождеством, Стилтон!

УЧЕБНИКИ – КЛАСС

Полное собрание анекдотов

Моя первая книжка в Интернете

Мой первый словарь английского языка

... и множество других названий

готовит для вас

Джеронимо Стилтон

Джонни
Джанджари

Бласко
Табаско

Ларри Кис

Ганнибал
Крысини

Гай
Хвостана

Октавиан
Крысини

Бисквита
Рыжмыш

Крепостина
Кашмир

Мышелла
фон Бракен

Я Джеронимо
Стилтон, а это
редакционный
коллектив
«Голоса
грызуна»

Фред ван
Кларк

Долина
Кашмир

Задирита
де ла Дамб

Пинки Пик

Томино
Тамбурино

Гаффи Гаггав

Мэри Вери

Гага Кашмир

Ник
Топинамбур

Дорогие грызуны!

До свидания, до следующих
приключений.

Все приключения — первый сырт,
слово Стилта.

Джеронимо Стилта

КТО ТАКОЙ ДЖЕРОНИМО СТИЛТОН?

Это я! Я грызун, и этим всё сказано. Слегка рассеян, люблю витать в облаках... Руководжу издательством, а также имею явную страсть — пишу романы. Здесь, на Мышковии, на острове мышей, каждая моя книга становится бестселлером! Неужто не читали? Это занимательные истории, загадочные, как моццарелла, увлекательные, как пармезан, острые, как рокфор... в общем, истории — первый сырт, даю вам слово Джеронимо Стилтона!

Джеронимо Стилтон

Тея

Эвлиппа

ФУРГОН СЫРНОГО ЦВЕТА

Я ненавижу путешествовать. Что же меня занесло в Мышарктику при сорока градусах ниже нуля, на фургоне сырного цвета?.. Об этом спросите моего деда Торкватто Толкассо по прозвищу Тигр...

